

Купите Рубенса!

СВЯТОСЛАВ
ТАРАХОВСКИЙ

УДИВИТЕЛЬНЫЕ
АНТИКВАРНЫЕ ПРОИШЕСТВИЯ

Святослав Тараховский

Купите Рубенса!

«Издательство АСТ»

2021

Тараховский С. Э.

Купите Рубенса! / С. Э. Тараховский — «Издательство АСТ»,
2021

В книге известного драматурга Святослава Тараховского рассказывается об увлекательной, но полной риска профессии антиквара. Его герои – наши современники, немного безумные, но преданные искусству коллекционеры. Какие только изысканные уродства не размножаются в антикварной тусовке! Подделка, подмена, обман. Зависть, предательство, подлость. Слезы, кровь и смерть. Какие только высокие чувства не восхищают время от времени антикварный мир! Прозрение и благородство. Великодушие и бескорыстие. Жертвенность и любовь. Все это, высокое и низкое, взятое вместе, составляет то, на чем замешана жизнь, приключения и детектив. Все то, что питает рассказчика этой книги. Все то, что гонит и гонит глаз читателя по ее страницам и даже – страшно подумать! – заставляет его на время забыть о телевизионном сериале.

© Тараховский С. Э., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Парные консоли	6
Боголюбов	11
Рецидивист	17
Великий диван	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Святослав Тараховский Купите Рубенса!

(удивительные антикварные происшествия)

Парные консоли

Была среда.

Было скучное осеннее утро, когда на пару с охранником Олегом я торчал в своей галерее, или, попросту говоря, антикварной лавке.

К тому же за окном беспросветно дождило. В такие дни и погоды нашествие клиентов не предполагается, и в зале напрасно пылится красная мебель, тускнеет бронза и отбивают жизнь напольные часы. В такие дни хочется покоя и размышления. Мой Олег, не дорешив кроссворда, задремал с пистолетом на боку, я же наполнил коньяком любимый ремер, намереваясь неторопливо испить из старого зеленого стекла и подумать о вечном.

Как вдруг к галерее подъехал классный белый «мерседес».

То, что он классный, я углядел даже сквозь мокрую пелену. Пятисотый или что-то в этом роде.

Ну, «мерс» и «мерс», кого им, на фиг, удивишь. Но то, что вышло, вернее, выкатилось из него, лично меня удивило сильно. Мужчина-шар, одинаковый во всех измерениях, что снизу вверх, что по горизонтали. Не в смысле широкоплечести, а в смысле ширины в животе.

Сразу было видно, что у человека есть деньги.

Он не шел – он плыл к галерее, полный уважения к себе как к хозяину жизни.

Я задвинул в ящик стола невыпитую рюмку, кашлянул для побудки Олегу и встретил клиента на пороге с заинтересованностью на лице.

– Здорово, дядя, – гастрономно выдохнул мне в лицо мужчина-шар. – Жене моей презент нужен. Цена не волнует.

Я задал ему несколько вежливых вопросов, из которых уяснил, что ни живопись, ни фарфор его не интересовали. Предмет ему нужен был мебельный, для загородного дома, и, подмигнув Олегу, я повел его в зал, где выставлял мебель.

Чтобы разжечь в клиенте покупательский азарт, я, как водится, стал рассказывать байки о временах и стилях и о разных дворянских слабостях-предпочтениях, но по лицу его видел, что слушал он меня вполне пренебрежительно. Ничто из моей мебели ему не нравилось.

Вдруг, совершенно непонятно почему, он сам тормознул возле двух консолей карельской березы.

Господи, почему именно возле них? Не знаю. Но знаю, что тайная власть старинных вещей над нами существует. Поколения людей, которые столетиями жили среди них, заряжают их особой энергией. Хорошо, если доброй.

– То что надо, – сказал клиент. – Почему?

Смирненно, как кролик, я посмотрел ему в глаза и назвал сумасшедшую, с расчетом на торговлю, цену: десять тысяч долларов. Но торговли, на мою удачу, не случилось.

– Нормально, – сказал он. – Одну беру, нет вопросов.

Я извинился и объяснил, что вещи эти парные и что одна консоль не продается. Мужчина-шар подмигнул.

– А за сколько она у тебя не продается? – спросил он.

Я вежливо добавил, что вещи эти редкие, русской дворцовой работы конца восемнадцатого века и разбивать их поодиночке грешно и почти преступно.

– А ты разбей, – сказал он. – Подумаешь, делов-то. Тумбы, блин.

Он нравился мне, этот мужчина-шар, он был мне даже чем-то симпатичен. Он или его деньги? Теперь уже это не имеет значения. А тогда со всем пылом я принялся его убеждать приобрести обе консоли сразу и даже обещал скидку. Но чем больше я убеждал, тем неприступнее он стоял на своем.

– Нет. Жене не понравится. На одну-то я башку лосевую поставлю, которую сам на охоте добыл. А вторая мне на что?

Мы оба перешли почти на крик. Мы спорили так громко, что Олег как бы ненароком расстегнул кобуру, а заглянувший в галерею случайный человек тотчас в испуге растворился за дверь.

– Я все равно тебя сломаю, – сказал Шар. – Почем, говоришь, у тебя пара? Десять штук? Я беру одну. Но за восемь.

Это был сильный ход. Я, конечно, сообразил, что если отдать ему одну за восемь, то уж вторую-то я худо-бедно за четыре продам. Тогда в сумме получится двенадцать, на две тысячи больше, чем я запрашивал. Похоже, он действительно меня сломал. Или я его?

Как бы там ни было, я согласился, и мы ударили по рукам. Мужчина-шар выложил деньги, новенькие, в банковской упаковке, что я почему-то особенно в клиенте уважаю. Олег помог ему загрузить консоль в «мерседес». Прощальный взмах руки сквозь пелену дождя, и счастливый обладатель консоли исчез вместе с «мерседесом».

В приподнятом настроении я вернулся к столу, в ящике которого томился наполненный коньяком ремер. День начинался удачно.

Я расковырял на шоколаде хрустящую фольгу и нарезал дольками зеленое яблоко. Я поднес к губам ремер и сделал медленный первый глоток. Коньяк вспыхнул во мне изумительным огнем, организм потребовал продолжения, но его не последовало.

Потому что в галерею влетел красный плащ и в нем – Лизка.

Лизавета – моя подруга. Ослепительно красивая, легкая и стремительная, как набегающая волна. Не подумайте лишнего – подруга, безо всяких там мыслей. Хотя, если честно, мысли такие были. Не могли не быть.

– Пьешь? – с ходу спросила Лизка, умевшая смотреть в корень.

– Будешь? – спросил я, нуждавшийся в компании.

– Спешу, – как обычно ответила она. – Послушай, у тебя вроде бы две консоли были.

Где вторая?

Я рассказал ей завершившуюся четверть часа назад эпопею, и она чертыхнулась. Лиза была дизайнером по интерьеру, обставляла квартиры и особняки богачей.

– Черт! – в сердцах повторила она. – Мне обе были нужны. Ладно, возьму хоть одну. Сколько?

Я, как задумывал, назвал ей цену: четыре тысячи.

– По-моему, ты понервничал, – сказала умевшая смотреть в корень Лизка. – Успокойся и еще раз: сколько?

– Три, – сказал я.

– Ты настоящий товарищ, – сказала она. – За две я беру.

Я не успел открыть рот, как она изящным движением поднесла к моим глазам пачку денег. Глаза, которые видят так близко деньги, это уже совсем другие глаза. Сражаться с Лизкой бессмысленно, понял я, и сдался.

Все остальное произошло стремительно, в ее, Лизаветином, духе. И через минуту мой верный Олег с консолью на плече, сопровождаемый ее новой хозяйкой, покинул галерею. Волна нахлынула и волна отхлынула, оставив на песке, то есть в моем кармане, две тысячи долларов.

Что вовсе было неплохо, подумал я, возвращаясь к ремеру и размышляя о роли везения в жизни человека. Худо-бедно, в неторговый день я в два касания получил десять тысяч долларов за предметы, которые на самом деле с трудом стоили половину. «За везение», провозгласил я про себя тост и пригубил заветный ремер.

Однако, как выяснилось, насчет везения я несколько погорячился. Не прошло и пятнадцати минут, как к галерее снова причалил белый «мерседес», и тупая игла недоброго предчувствия кольнула меня в разогретое коньяком сердце.

Мужчина-шар, утратив прежнее к себе уважение, уже не плыл, он двигался под дождем вполне обреченно. «Как побитая собака», пришло мне в голову и, пожалуй, такое сравнение подходило к нему сейчас как нельзя лучше. Хозяин же этой «собаки», направляясь к моей двери, вышагивал твердо, без малейшего желания сбавить ход или оглянуться. Это была женщина. Вероятнее всего, та самая жена, которой был нужен презент. Консоль ей не понравилась, кисло подумал я, предмет будут возвращать и требовать назад деньги.

Ворвавшись в лавку как тайфун, женщина бросила на пол зонт, с которого побежали струйки воды, и закричала:

– Этот идиот, как всегда, свалил дурака, когда купил у вас тумбу.

«Начинается», – подумал я.

– Я сглупил, Лора – покорно признал муж. – Бывает.

– Молчи, недоумок! – Лора снова обернулась ко мне. – Он купил одну тумбу, в то время как каждый нормальный купил бы две.

Вот это поворот, сообразил я. Неизвестно, что хуже.

– Я немедленно беру вторую, – сказала Лора. – Где она?

– Видите ли, дело в том, – как можно дружелюбней сказал я, – что ее уже нет.

– Дед, – обалдел муж, – ты чего?

– Так, – сказала мне Лора. – Если будешь набивать цену, сильно пострадаешь. Я знаю, он заплатил за тумбу пятерку. Больше не дам ни копейки.

Муж-шар отчаянно мне подмигивал, в то время как я отчаянно соображал. С одной стороны, муж обманул жену – это понятно, и я его не выдам, поскольку есть промеж мужчин вещи святые, договоренности не требующие, с другой стороны, получить за консоль пять тысяч было бы несколько приятней, чем две, но с третьей стороны, консоль-то уже продана и находится в надежных Лизкиных руках.

– Видите ли, – как можно мягче снова начал я, – я бы рад вам помочь, но консоль действительно продана четверть часа назад. Так что сделать я ничего уже не могу.

Тут начался такой крик, такие сперва посулы, а потом такие угрозы, что Олегу снова, как бы ненароком, пришлось расстегнуть кобуру.

Тишина, столь необходимая антикварному делу, восстановилась только тогда, когда я согласился набрать Лизаветин номер и передал трубку Лоре.

Лориной вежливости хватило секунд на пятнадцать, дальше началось бесконтрольное словоизвержение. Потому что моя Елизавета, как я и предполагал, с хода отвергла предложение расстаться с консолью. Даже за сумму большую, чем она мне заплатила. Мало того, она привела меня в восторг, который, признаться, я с трудом скрыл, когда предложила откупить консоль у Лоры.

Понятно, что женские переговоры закончились так, как и должны были закончиться; трубка была с негодованием отброшена, и в галерее установилось напряжение в тысячу вольт, опасное для жизни.

Ей-богу, мне стало их даже жалко. Шар сдулся, тайфун стих, и смотреть на них без сочувствия было невозможно. Лора курила одну за другой тонкие дамские сигареты и с хрустом ломала розовые накладные ногти, муж то и дело подтягивал на кадыке узел шелкового галстука, который вдруг напомнил мне роковую удавку суицидника.

Я, как мог, пытался их утешить. Я сказал, что первые же подобные консоли продам только им, я предложил приобрести что-нибудь другое, я даже предложил им выпить со мной коньяка – всё было напрасно.

Наконец прозвучал приговор, который огласила Лора.

– Сам вляпался, – хладнокровно сказала она мужу, – сам и отмывайся. Делай с этой Лизкой что хочешь, но обе консоли должны быть у меня...

С этими словами она взяла зонтик и ступила под дождь. Пожав мне руку, – вы, конечно, помните за что, – за ней поспешил бывший шар. Фигуры размазались дождем. Несколько мгновений – и белый «мерседес» уплыл по асфальтовой реке.

Я наполнил коньяком ремер и рюмку для Олега. Мы покачали головами, посмеялись и выпили. Закурили, я – сигару, Олег – сигарету, и быстро успокоились. Дело было сделано, деньги лежали в сейфе. Всё обошлось и забудется, подумали мы. Обычная антикварная история.

Как вскоре выяснилось, на этот раз мы ошиблись оба...

Однако мой зеленый ремер снова полон. Я прикладываюсь к стеклу и, прежде чем проглотить, долго смакую на языке пятнышко тепла.

Что же было дальше?

Шар позвонил по поводу консолей Лизавете и сделал ей такое предложение, от которого она не смогла отказаться. Они встретились и провели переговоры.

Всю последующую историю я знаю со слов Лизки и Лоры. Полярные точки зрения дали мне возможность выявить правду. Ее нельзя научно подтвердить или опровергнуть, в нее, как в Бога, приходится лишь верить.

Кого-то эта история озадачит, кого-то ужаснет, кого-то, как меня, убедит в том, что он ни черта не смыслит в женщинах.

Следите за фактами, господа.

Факт, что переговоры между Шаром и Лизой становились все интенсивнее.

Факт, что через некоторое время стороны продолжили обмен мнениями на Канарских островах, о чем Лора поначалу и понятия не имела.

Кто знает, когда хватает за сердце любовь? С какого проблеска в глазах начинается она, с какого мгновенного, как укол шипучки, толчка в голову?

Шар и Лиза – это тоже факт. Я знал, что ей тридцать, знал, что не замужем. Предложений на этот счет у нее было предостаточно, но Лизавета всегда искала идеал, что редкость в наше время и что вызывало у меня восхищение. Оказалось, ее идеалом был Шар.

В день их возвращения с Канар в галерею ворвалась Лора, и мы с Олегом снова оказались в эпицентре тайфуна. Лора потребовала от меня на выбор: либо я дам ей телефон «этой мерзавки», либо она разнесет галерею на антикварные кусочки. Не могу не отметить, что угрозы ее были столь реальны, что Олегу снова пришлось ненароком расстегнуть кобуру.

Мне понадобилась добрая порция коньяка и все мое лукавое искусство уговаривать клиента, чтобы как-то ее утихомирить. Тайфун Лора сник, пролился дождем, то есть слезами, и, мрачно усмехнувшись, исчез. Усмешка мне почему-то не понравилась.

Я тотчас позвонил Лизавете; образумить ее, предупредить об опасности – вот чего я добивался. Но Лизкин телефон молчал.

А через некоторое время я узнал, что мужчина-шар найден возле Лизиного дома с двумя дырками в голове.

А еще через некоторое время Лора вновь появилась в галерее. Она была суха и деловита, глаза прикрывали темные очки. Двое сопровождавших ее неприметных мужчин внесли и поставили на прежнее место ту самую консоль. Я молча вернул ей деньги, ни о чем спрашивать не стал. Она молча деньги приняла, кивнула и исчезла.

Неделю спустя привезли консоль от Лизы. Потом она позвонила сама, поблагодарила за всё и сказала, что уезжает далеко и надолго. Звонки мои она видела на дисплее мобильного, но говорить тогда ни с кем не хотела, «потому что рядом был Алеша, а когда рядом со мной был Алеша...» – моя Елизавета не смогла договорить...

Так я впервые узнал его имя. Оказывается, Шар для кого-то был Алешей...

Консоли парные, карельской березы снова в продаже, стоят на своем привычном месте, словно ничего и не произошло. Только цена на них другая, много меньше. Хочу продать и избавиться. Но пока никто не берет.

Я снова наполняю зеленый ремер и думаю о тайной власти над нами старинных вещей. Я думаю о том, что мы не исчезаем; мы остаемся в детях и делах, а также в вещах, добавил бы я. Мы уходим, а они живут дальше, и к ним в гости, на временную побывку приходят другие люди. Которые передают им свое добро. Или свое зло.

Я делаю хороший глоток. Из старого стекла коньяк во сто крат вкуснее, чем из обычной рюмки. Уж в этом-то я смыслю.

Боголюбов

«Стрела» не опоздала.

Он ступил на знакомый холодный перрон, услышал гимн города, сопровождавший приход ночного экспресса, и заметно воодушевился. Он снова был в Питере, и пока все шло хорошо.

Была только половина девятого утра. Бумажка с номером телефона жгла ему руки, но звонить в интеллигентный дом, да еще в воскресенье было рановато; и звонить он не стал, поскольку был человеком воспитанным.

Убивая время, он двинулся пешком от Московского вокзала по Невскому, с удовольствием наблюдая жизнь просыпающегося города.

Для питерской осени он был одет довольно легко. Кроссовки, потертые джинсы, куртка-ветровка и бейсболка на седеющей голове – вот и вся одежда. Ничто не мешало беззаботной утренней прогулке. Разве что старенький, непривлекательный кейс в руке, в котором лежало сто пятьдесят тысяч долларов, пятнадцать аккуратных пачек по десять тысяч в каждой.

Он любил этот мрачноватый, умирающий город. Любил его дворцы и сокровища, но больше – его неяркое матовое солнце, серенькое небо и долгие дожди, его сырой, пахнущий морем воздух, всю его загадочную ауру, столь благодатную для романтиков и психопатов.

Он вдруг поймал себя на мысли, что люди, населяющие ныне этот город, совершенно городу не соответствуют, ни архитектуре его, ни духу. Гордые и вельможные петербуржцы, для которых он строился, давным-давно покинули его, ушли в небытие, все, до единого, город же захватили совсем другие существа, черненькие, серенькие, суетливые, снующие теперь по чуждым им великим улицам и проспектам.

Себя, однако, он к таковым не относил.

Мысль о городе тотчас перебилась другой, главной мыслью: он приехал сюда с глобальной целью, и если все выйдет, как он задумал, если получится... о, боясь сглазить, он запрещал себе даже думать об этом, но мысли, которые он гнал, все равно возникали в его голове вороватыми проблесками.

Если все выйдет, он наконец-то купит дом под Москвой. Трехэтажный, с бассейном и охраной. И дорогую новую машину. Обязательно новую, ездить на подержанных, пахнущих чужими духами пятилетках было уже невозможно. Не хватит на дом и машину сразу – хотя бы дом и что-нибудь по-настоящему дорогое Рите. Благодаря Рите он получил этот телефон, и надо уметь быть благодарным. Дальше фантазия не работала, что несколько расстроило его. Дом, машина, девушки, может быть, путешествия – и это все? Ограничен, подумал он. Такой же, как все, только делаю вид.

Дойдя до Аничкова моста, он минут пять в упоительном восхищении простоял у клотовских коней, после чего свернул на набережную и аппетитно позавтракал в блинной. И блины с вареньем были неплохи, и аромат кофе, и стук ложечек, и негромкий голос сероглазой официантки, и чайки на воде за окном – все ему нравилось. И всё, казалось, предвещало удачу.

Он взглянул на часы и понял: можно звонить.

Ему ответил слабый, надтреснутый женский голос.

– Александра Ипполитовна, здравствуйте, – сказал он как можно более теплым и располагающим тоном. – Я от Маргариты Семеновны. По поводу вашей просьбы. Я приехал.

– Не понимаю, – раздраженно ответил голос. – Какая еще Маргарита Семеновна?.. Варя! В трубке зазвучал другой голос – несильный, но внятный.

Варя оказалась дочерью Александры Ипполитовны, то есть правнучкой того самого профессора, о котором рассказывала Рита. Рита не подвела, подумал он. Ему удалось толково и

быстро обо всем с Варей договориться. Главное, от чего по спине пробежали мурашки удовольствия, он получил, наконец, приглашение в дом.

Выйдя из блинной, он тотчас взял такси и назвал адрес. Поехали через Неву, мимо Петропавловки и «Ленфильма» в самый конец Каменного острова. По дороге тормознули у цветочного ларька, где он, на минуту задумавшись, купил ирисы. Расчет был точен и прост: розы – дороги и грубоваты, гладиолусы – пошлы, астры – безвкусны, ирисы же... нет такой интеллигентной дамы, которую бы не тронула изящная простота сине-фиолетовых цветов.

Это был обычный питерский «колодец», старый, шестиэтажный дом с замкнутым четырьмя стенами, лишенным зелени двором, в котором не хотелось жить.

Набрав код, он потянул дверь на себя, и она со скрипом поддалась. Из-под ноги шмыгнула кошка. Трехцветная, подумал он. К счастью.

Подъезд пованивал гнилыми овощами и старой пылью. Лифта не было. Лампочки горели через одну, едва высвечивая щербатые, протоптанные ступени. Кайф, подумал он. В этом подъезде остановилось время.

Вот и двустворчатая дверь с номером тридцать, крашенная-перекрашенная многолетними слоями коричневой половой краски. Вот и звонок, кнопка с двумя тонкими синими проводами наружу.

Ему открыла некрасивая женщина лет сорока с тихим, виноватым взглядом.

– Здравствуйте, – просто сказала она. – Я Варя. А это – мама.

– Константин, – скромно сказал он.

– Проходите, пожалуйста...

Александра Ипполитовна стояла чуть в глубине коридора, глаза ее, посверкивая в полутьме, сверлили его на всю возможную глубину. Похожа на сову, осенило его, стопроцентная сова. Он переступил порог и вручил Варе ирисы.

– Благодарю, – сказала она. – Наши с мамой любимые цветы...

Пока действую без ошибок, подумал он.

Коридор был огромен, пуст и уходил в темноту.

– Проходите, Константин, – дала добро Александра Ипполитовна. – Раздевайтесь.

Он аккуратно поставил на пол кейс с деньгами, сняв куртку и бейсболку, повесил их на крюк вешалки и успел оглядеться.

Вопиющая бедность окружала его. Покосившаяся вешалка-модерн из грушевого дерева с четырьмя оставшимися крюками вместо восьми, застиранная салфетка на тумбочке под телефоном, черный, давно забывший о своей янтарно-восковой изначальности дубовый паркет и обои со следами старых протечек с верхнего этажа.

Достоевская классика, подумал он. Зря приехал, зря деньгами в дороге рисковал. Ничего здесь быть не может, и Рита полная идиотка.

Взяв кейс, он безо всякого энтузиазма шагнул за Варей и Александрой Ипполитовной.

Переступил порог комнаты, поднял глаза и остолбенел.

На противоположной стене висело то, ради чего он поехал бы не только сюда – в любую сторону света. Нет, даже не то, а много лучше того, о чем он мечтал и о чем говорила Рита.

Он даже не приблизился к картине. Он все понял издали.

Великолепный, изумительный морской пейзаж Боголюбова.

В его профессиональной голове автоматически врубился быстродействующий компьютер.

120 на 180 сантиметров. Холст. Масло. Море, гавань, десяток парусников под свежим ветром. Солнце сквозь серебряные тучи. Перламутровая вода. Тончайшие цветовые отношения. В правом нижнем углу подпись – Алексей Боголюбов, 1878. Сохранность – супер. Уровень? Третьяковка с Русским музеем передерутся из-за такого пейзажа. Цена? Плюс-минус миллион долларов. Ошибка. За такую вещь сколько ни проси, все мало. Шедевры цены не

имеют. Ай да Рита, умница ты моя! Значит, не зря я собирал деньги, взял всё, что было своего, и назанимал, где только было можно. Господи, неужели, наконец, повезло? Неужели и мне выпало, Господи?

Стоп, приказал он себе и тотчас вырубил компьютер. Сейчас главное не выдать себя ни жестом, ни взглядом...

– Понятно, – равнодушно сказал он. – Вот эта, значит, картинка? Ничего, большая, и корабликов много. Я кораблики люблю.

– Это Боголюбов, – расценив его заявление как невежество, сказала Александра Ипполитовна. – Алексей Петрович Боголюбов. Вы знаете такого художника?

Знал ли он Боголюбова? Смешной вопрос. Любимый мастер. Знал все его вещи в музеях, узнавал с первого взгляда, ценил не ниже Айвазовского...

– Слышал, – ответил он. – Вроде бы был такой.

– Имейте в виду, – сказала Александра Ипполитовна, – Боголюбов стоит очень дорого. У вас может денег не хватить. У вас есть деньги, Константин?

– Насчет этого – не волнуйтесь... – Он коротко и солидно кивнул, но внутри похолодел. Если старуха знает цены, ему конец. Миллиона у него нет.

– Да вы садитесь, Константин, – сказала Варя, предлагая ему потертый стул. – Чай уже готов.

Он сел. Успел заметить, что больше ничего стоящего в комнате не было. Да больше ничего и не нужно, подумал он. Одну бы эту вещь, одну – на всю жизнь! Но как, где взять деньги? Господи, помоги! Не спеши, тут же прервал он начавшуюся внутри панику, пей пока чай, жизнь покажет.

– Нам сказали, – продолжала старуха, – что вы человек порядочный, нас не обманете и заплатите настоящую цену. Это так?

– Естественно... – Он снова солидно кивнул и даже помог кивку руками, мол, само собой разумеется, но про себя матюгнулся и понял, что это полный облом, что дело не выгорит и что лучше б, блин, он вообще не приезжал и вообще не видел, потому что... как теперь с этим жить? Вернее, без этого...

Чай пили из потертых кузнецовских чашек, синий кобальт с золотом – по-видимому, предмет многолетней семейной гордости.

– Боголюбов – последнее, что осталось от коллекции моего деда, профессора Петербургской консерватории, – рассказывала Александра Ипполитовна. – Когда я родилась, он уже висел на этой стене. Он всегда висел на этом месте, даже во время войны...

Кое-какие утраты все же есть, думал он, разглядывая картину. Потертости, выпады красочного слоя, деформация холста...

– Я бы никогда с ним не рассталась, – продолжала Александра Ипполитовна. – Но я уже стара, а Варе все-таки пора замуж...

– Мама, я не хочу... – Варя залилась краской.

– Хочешь, – парировала Александра Ипполитовна.

Придется укрепить, промыть, протонировать, рассуждал он про себя. Но все это мелочи, мелочи... Интересно, сколько заломит эта старая сова?

– Она выходит за индуса, – разъяснила Александра Ипполитовна. – Понятное дело, им нужны деньги. Чудный, кстати, индус, возможно, у них еще будут дети. Врачи говорят: пятьдесят на пятьдесят. Вы слушаете меня, Константин?

– Да-да, конечно, – механически ответил он и мельком подумал, что сочувствует тихой Варе. Но, снова взглянув на Варю, посочувствовал, пожалуй, индусу.

– У Вари замечательная, красивейшая душа, – словно прочитав его мысли, уточнила Александра Ипполитовна. – Впрочем, нашим мужчинам нужно совершенно другое. А вот индус оценил...

– Мама, прошу тебя, не трогай национальность, – сказала Варя.

– Кстати, насчет оценки, – удачно, как ему показалось, вклинился он, – сколько же стоит этот ваш Боголюбов?

Александра Ипполитовна вздохнула и задумалась.

– У Русского музея денег нет, – рассуждала она вслух. – С проходимцами всякими я общаться не желаю. Вы, Константин, другое дело, вы по рекомендации... – Она выдержала паузу и эффектно закончила: – Когда-то нам давали двести.

У него в душе запели трубы. Все состоится, сверкая медью, выводили они! Двести – это реально, это удобоваримо. Поторгуюсь, подумал он, и сколько-нибудь она уступит. Сойдемся где-нибудь на ста семидесяти, а там... Расшибусь, а двадцатник еще достану. Спокойно, только спокойно. Начинать торги надо с суммы значительно меньшей, чтобы запас был. Например, со ста.

На мгновение ему влетела в голову мысль, что, зная настоящую цену картины и предлагая за нее заведомо меньше, он обкрадывает двух несчастных женщин, одной из которых светит последняя возможность выйти замуж и родить, другой – последняя возможность стать бабушкой. Нечто похожее на совесть шевельнулось в нем, но, впрочем, мгновенно исчезло. Они ведь сами назвали свою цену, успокоил он себя, значит, так тому и быть. Каждому – свое, как сказано в Священном Писании...

– Двести – это недешево, – мягко сказал он. – Я бы даже сказал дорого, для меня даже очень. Просто уж очень я кораблики люблю. Александра Ипполитовна, могу предложить вам сто, целых сто тысяч. Красивая цифра.

– Двести – красивее, – негромко сказала вдруг Варя.

Он удивился и снова почувствовал индусу.

– Что ж, – сказал он, – предлагаю двигаться навстречу друг другу. Будем искать разумный компромисс.

– Сто девяносто девять, – сверкнув глазами, бросила Александра Ипполитовна.

– Сто одна, – в тон ей мгновенно среагировал Константин.

Развязка наступила часа через два после троекратного чаепития, сосисок с горошком, домашнего пирога с капустой, кучи аргументов и контраргументов, взаимных приколов и уступок.

На ста пятидесяти, на последнем его рубеже, сошлись и, что называется, ударили по рукам.

Всем стало легче и веселей. Раскрасневшаяся окончательно Варя позвонила на радостях какому-то мужчине, видимо, индусу. Александра Ипполитовна выставила на стол бутылку коньяка еще советского производства. Константин внутренне восхищался собственным мастерством торговаться, но выпивал сдержанно.

Ярче, чем когда-либо, он понял сейчас, что смысл антикварного дела для него заключен не только в купле-продаже, но и в том, чтобы найти свою, единственную, уникальную вещь для души и никогда с ней не расставаться. Так же, как в любви найти свою женщину, ликуя, подумал он и поклялся, что никогда с Боголюбовым не расстанется.

Потом обсудили технические вопросы. Как сдернуть картину с крюка на стене, как снять ее с подрамника, свернуть в рулон, упаковать и, наконец, вынести, и по всем вопросам достигли быстрого взаимного понимания.

И тогда Константин размашистым, купеческим жестом распахнул кейс и придвинул пачки новеньких долларов Александре Ипполитовне.

– Читайте! – торжественно объявил он. – Фирма гарантирует.

– Так вы – в долларах? – спросила вдруг Александра Ипполитовна.

– Предпочитаете – в евро?.. – Константин располагающе улыбнулся. – Не вопрос, поменяем.

И тут произошло нечто странное.

Наступила долгая тишина. Глаза Александры Ипполитовны были рядом, и он увидел в них ужас. Такой же ужас плюс обездвиживающий страх он увидел в глазах Вари, невесты индуса.

– Что-нибудь не так? – спросил он.

– Мы-то думали, вы цену... в рублях, – негромко сказала Александра Ипполитовна.

Константин похолодел, и сторонний наблюдатель мог бы увидеть теперь ужас в глазах у него. Он мгновенно понял весь кошмар случившегося недоразумения.

– Так я... пожалуйста, – начал он и осекся, сказать ему было решительно нечего...

Потому что, если перевести предложенные им доллары в рубли, получится что-то около четырех с половиной миллионов, то есть в тридцать раз больше, чем он должен был заплатить.

Женщины переглянулись и без слов сообразили самую страшную для Константина вещь. Если этот даривший ирисы и рассыпавшийся в комплиментах тип был готов выложить за Боголюбова в тридцать раз больше, чем они просили, значит, картина стоит еще дороже, много дороже, и, значит, этот тип проходимец.

Невеста индуса Варя на третьей минуте нарушила тишину и внятно, как приговор, произнесла: «Мама, не надо...»

– Мы не продаем картину, Константин, – сказала Александра Ипполитовна. – Спасибо за предложение. Мы передумали.

– То есть как?.. Почему?..

Это была катастрофа. В горьком отчаянии, пытаясь их переубедить, он пустил в ход все свое красноречие. Приводил аргумент за аргументом, даже пытался обратить недоразумение в свою пользу: ведь он, в конце концов, предложил им в тридцать раз больше того, что они просили! Все было напрасно, Боголюбов уплывал, как уплывали в ночное море написанные им парусники...

Ему была сухо предложена чашка чая, от которой он, все еще пытаясь склонить их на свою сторону, отказался. После чего ему было сказано, что час уже поздний и пора на покой. Он с тоской взглянул на Боголюбова и поднялся.

Александра Ипполитовна и невеста индуса проводили его до крашенных коричневой половой краской дверей.

Он пытался оставить им визитку с телефонами, они не взяли. Единственное, чего ему удалось добиться перед уходом, было ни к чему не обязывающее разрешение звонить и спрашивать о судьбе картины.

Оказавшись на улице под холодным питерским дождем со снегом, он крупно сплюнул и проклял себя за собственную глупость.

Нашел свою единственную и уникальную, с которой никогда не расстанусь. Сильно постарался. Так тебе и надо, кретин, подумал он и, не разбирая дороги, зашагал по лужам.

Через день он был уже в Москве. Навалились дела, но перед глазами по-прежнему стояло перламутровое море и парусники под серебряным небом.

Через неделю он позвонил. Варя говорила с ним формально и коротко. Сказала, что картина на месте, но они пока не думают ее продавать. Он просил передать наилучшие пожелания Александре Ипполитовне и неделю спустя позвонил снова.

И снова получил категоричный отказ.

Он завелся, он не мог успокоиться и смириться.

Он предложил Александре Ипполитовне сумму даже большую той, что вызвала у нее и Вари шок. Но чем настойчивей он добивался их согласия, тем упорнее они стояли на своем: картина не продается.

И вдруг через месяц Варин голос в трубке заметно потеплел. Она впервые была с ним приветлива, и, почувствовав это, он прямо спросил о Боголюбове. Всё может быть, ответила

она. Когда, волновало его. Скоро, сказала она, звоните недели через две. Сбылось! Сбылось! – чуть не закричал он. Наверное, свадьба с индусом на мази и им нужны деньги!

Он с трудом выдержал дней десять.

В трубке ответил мужчина.

Индус, мелькнуло у него, но мужчина абсолютно чисто говорил по— русски. «Срочно приезжайте, Варя вас ждет, – сказал он, когда Константин рассказал ему о себе. – Она вышла в магазин, но вот-вот подойдет».

Он примчался на следующее утро и был захвачен в знакомой квартире милицией.

По делу Константин проходил как свидетель, хотя после его показаний следователю Рыжкову стало ясно, что именно этот интеллигентный антиквар с дрожащими коленями и есть косвенный виновник беды.

Женщины были убиты за день до последнего звонка Константина. Перевернутые его первым визитом, обезумевшие от невероятной предложенной им цены, они все это время пытались продать картину сами. Покупателя искали через своих знакомых и через знакомых своих знакомых. И вот нашли, и сами открыли ему дверь.

Константин окаменел от горя. Ему было жалко и Александру Ипполитовну, и Варю, и даже индуса, так и не успевшего овладеть русской девушкой. Но, честно сказать, о Боголюбове он жалел куда больше.

Шедевр исчез.

Парусники под ночным небом плывут теперь неведомо где, на чьей-то неведомой стене.

Рано или поздно они обязательно выплывут на всеобщее обозрение и снова станут лакомой приманкой для антикваров и бандитов.

Беда в том, что Константина к этому времени, скорее всего, уже не будет. Такие картины богатенькие владельцы намертво «привинчивают» к стенам и держат при себе всю жизнь, которой немолодому уже Константину может запросто не хватить.

Рецидивист

Однажды легкой летней ночью сидели компанией у Сергея.

Выпито было изрядно. Над бутылками висел гвалт, разговор прыгал с темы на тему, перемежался анекдотами и хохотом.

К полуночи Серегины запасы кончились. Выпит был даже сокровенный двадцатилетний Блэкбуш, который почему-то гостей не удивил. Виски как виски, сказал Федя. Самогон.

Кое-кто ушел, но трое самых стойких, включая меня и Федю, остались. Сергей напрасно поглядывал на часы и вздыхал – Федя требовал продолжения, и все понимали, что Феде перечить нельзя.

Пришлось перейти на коньяк.

Федя недавно освободился из заключения и поэтому невольно вызывал уважение. Поэт и заключенный, собиравшийся теперь, после обретения свободы, стать антикваром – таков был путь этого удивительного человека, которого трижды осуждали за драки.

Он выпил коньяка и стал читать стихи. Не могу не отметить, что как автор-исполнитель Федя превосходил многих мэтров. Длинные руки взлетали, как у Спивакова, глаза обуживались в щелки, рот презрительно кривился в сторону слушателя. Оторваться от этого зрелища было трудно.

Все в компании знали об огромном поэтическом темпераменте Феде, а также о том, что задевать Федю или, не дай бог, с Федей спорить было нельзя. Федя заводился с полоборота, как хороший японский мотоцикл. Но в отличие от японского мотоцикла выключить Федю было трудно, особенно тогда, когда что-то казалось ему несправедливым.

Однажды в метро интеллигентный мужчина бросил мимо урны пустую сигаретную пачку и вскочил в вагон. Другой бы плюнул и внимания не обратил, но Федя был не таков. Он догнал интеллигента и уговорил его вернуться. При этом Федя был так убедителен и прост, что интеллигент без колебаний пачку подобрал и долго, в знак благодарности, Феде кланялся.

Если же Федя давал слово... О, легко живет тем, кто дает слово и не держит его. Федя так не мог. Давая слово, он вставал во весь свой могучий духовный рост и шел до конца, пока не выполнял взятых на себя обязательств. Иногда ему немного не везло и приходилось садиться. Но благополучных исходов было гораздо больше, и каждый из них укреплял Федю в его правоте.

В ту роковую ночь Сергей об этом нюансе общения с другом совершенно забыл. Вероятно, напрасно перешел на коньяк.

Уже под утро, когда за окном заблестела Яуза, Сергей рассказал о чертовом голландском шкафе семнадцатого века, инкрустированном красной черепахой. Предметом, якобы уникальным, владел некий верченый тип, вот уже третий год морочивший Сергею голову. Он то продавал шкаф, то в последний момент передумывал, повышал цену и снова предлагал Сергею ждать. Шкаф, возможно, принадлежавший когда-то Петру, был в аховом состоянии, требовал реставрации, но вырвать его из рук алчного владельца Сергею не удавалось.

– Несправедливо, – вдруг сказал долго молчавший Федя.

– Сто процентов, – сказал Сергей.

– Завтра к семи шкаф будет у тебя, – сказал Федя.

– Не берись, Федя, – сказал Сергей. – Хозяин – пассажир тяжелый. Гнилушка.

Что означало «гнилушка», Федя уточнять не стал, наверное, потому что уже завелся.

– Даю слово, – сказал он. – Спорим. На что?

И мы, дураки, расслабленные усталостью и алкоголем, не удержали их от спора.

Условия они заключили зверские. Что, вероятно, тоже было обусловлено коньяком.

Если до семи вечера шкаф оказывался у Сергея, он выплачивал Феде двадцать тысяч долларов премиальных. Если же Федя не укладывался к шести, то за каждый час простоя Федя штрафовался на десять.

– Не берись, – еще раз нетвердо сказал Сергей. – Раздену.

– Бабульки готовь, – мотнул головой Федя. – Я гнилушку уболтаю.

Мы тогда подумали, что спор по пьянке – не спор, что как-нибудь все обойдется и станет причиной веселых наших застольных шуток. Мы забыли, что Федино слово – железо.

Опохмелившись с утра, он привел себя в цветочную свежесть, созвонился с хозяином шкафа и, представившись компаньоном Сергея, напросился на визит.

В два часа дня Федя в полном боевом настрое уже сидел в уютном просиженном кресле и потягивал из вызолоченной чашечки чуть пощипывающий язык кофе. Федя не любил кофе, особенно черный, но от предложения хозяина не отказался, потому что надо было работать на контакт.

Хозяин оказался небольшого роста стариканом с крашенными в охра волосы, спортивной выправкой и лукавыми шныряющими глазами. Он сидел напротив, окруженный живописью, красной мебелью и фарфором. Голландский шкаф убого стоял у стены, вернее, опирался о стену, чтобы не развалиться. Хлам, обрадовался Федя. Тут и убалтывать не придется, сам отдаст.

– Красивый у вас дом, – по-доброму сказал Федя. – Душевный.

– Мой дом – могила, юноша, – сказал старикан и хихикнул.

– Не понял, – сказал Федя. – В каком смысле?

– В таком же, юноша, что у всех, – снова хихикнул старикан. – Тут-то мы все временные...

«Гнилушка, – бодро подумал Федя, – правильно Серега наводил. Гнилушка крашенная. Молоденьких любит, сто процентов».

После двух чашек кофе Федя решил, что пора действовать.

– Шкафок вот этот могу у вас прикупить, – честно и в лоб заявил он. – Скоро совсем развалится. Жаль, когда старинную вещь выносят на помойку.

– Пусть разваливается, – сказал гнилушка. – В собственном доме, юноша, помереть – не стыд.

«Хитер, – подумал Федя, – смертью аргументирует. Где смерть, там крыть нечем. Нет, сам не отдаст, придется убалтывать».

Два последующих часа Федя проявлял чудеса красноречия.

Он был убедителен и яростен в своем напоре. Он перепробовал все возможные аргументы – ни один не принес результата. Гнилушка вилял.

– Юноша, – говорил он Феде, – купите что-нибудь другое. Вот сундук, отличный сундук, тульский, кованный. Дамочки об него чулки рвут, купите.

Когда же речь заходила о шкафе, он даже цену называть не желал, объясняя это тем, что шкаф бесценен как память о промелькнувшей молодости, где он любил и иногда бывал счастлив.

Время летело удивительно быстро. В три часа дня позвонил по мобильнику Сергей и со скрытой ехидцей поинтересовался, как идут дела. Нормально, ответил Федя, хотя ничем нормальным и не пахло.

В половине четвертого Гнилушка предложил Феде отобедать, и Федя был вынужден есть безвкусные паровые овощи без соли. «Здоровье бережет, – подумал Федя. – Точно молоденьких любит».

В половине пятого Федя кожей почувствовал, что может Сергею проиграть и что надо системно менять подход.

Тут кто-то свыше напомнил ему, что он поэт, и Федя, как к спасению, прибегнул к собственным стихам. Начал о ромашках и космических далях, закончил поэмой о пигмеях

и колоссах человеческого духа. Гнилушка посерьезнел. Лукавая улыбка, державшаяся на его лице, исчезла. Федя подумал, что впервые его достал, и в глубине души подивился силе своего поэтического слова.

Развивая успех, Федя призвал на помощь Библию и близко к тексту процитировал из Экклезиаста, что, мол, человеку на земле не стоит держаться за материальное и накапливать. Гнилушка задумался, а потом сказал, что, пожалуй, Федя прав.

Но стоило Феде вернуться к теме шкафа, как Гнилушка посуровел и его замкнуло, словно на засов.

В половине шестого снова позвонил Сергей и мягко напомнил, что время кончается и овертайма не будет.

Федя понял, у него остался единственный и последний шанс. Он открыл гнилушке карты, рассказал о споре и о том, в каком отчаянном положении оказался. Драматичный Федин рассказ не мог ни произвести впечатление на хозяина шкафа.

– Юноша, поверьте, я с вами, всем сердцем, – сказал он. – Но это ваша проблема. У меня хватает своих.

Федя взглянул на Гнилушку и мгновенно и слепо возненавидел его – за нежелание входить в чужие обстоятельства и проявлять так свойственное человеку сочувствие. Но, главное, за то, что недооценил Гнилушку. Сидевший перед ним пожилой господин оказался умнее его.

Но и Гнилушка недооценил Федю, потому что подумал, что Федя совсем дурак. Федя привык прощать людям многое, но только не это, потому что, как и у многих людей, это было самой страшной его тайной.

Ровно в семь у Сергея зазвонил телефон.

– Состоялось, – сказал Федя.

В восемь часов вечера Федя доставил шкаф в галерею и получил законные свои деньги. Сергей был в шоке, он не мог понять, как это Феде удалось. На вопросы Федя не отвечал.

На следующий день он был арестован в высшем разряде Сандуновских бань по подозрению в нанесении телесных повреждений Коркину Глебу Мухтаровичу. Молоденькая девушка нашла его накануне вечером в его собственной квартире с проломленной, крашенной в охра голову. У девушки был ключ, она пришла к крашеному точно по расписанию – в двадцать часов тридцать минут, чтобы подзаработать немного денег за безопасные секс-услуги. И вот такое невезение. Ни секс-услуг, ни, главное, денег Крашенный под воздействием телесных повреждений Феде лежал на полу, и из-под него вытекала кровь. Девушка завизжала, до чертиков напугала соседку-пенсионерку, бывшую учительницу пения, которая вызвала сперва ментов, потом «скорую».

Страшная мысль приходит иногда в голову: а что если Сергей нарочно затеял этот спор, чтобы заранее отделаться от опасного конкурента Феде, собиравшегося стать антикваром? Нет, конечно, нет, гоню я от себя эту мысль. Но подлая мыслишка снова прошмыгивает в мозги. А вдруг?..

Слава богу, Гнилушка не умер, поедает, как прежде, паровые овощи и по графику удовлетворяется за те же деньги той же самой девушкой. Но каково наше правосудие? Федя был признан опасным рецидивистом и получил восемь лет. Спрашивается, за что? Отдай ему Гнилушка шкаф любовно, не было бы пробитой головы, кровотечения, испуга секс-девушки и соседки-пенсионерки, в прошлом учительницы пения, не было бы процесса и восьми лет отсидки. Но ведь не отдал и поставил Федю в безвыходное положение. Что было Феде делать, ведь он дал слово?! Судья на процессе не сумел ответить на этот вопрос и ограничился самым легким: впаял Феде срок.

Однако в записке, переданной Сергею из КПЗ, Федя сообщил, что после освобождения окончательно решил стать антикваром. Если раньше только собирался, то теперь решил твердо, потому что занятие это ему понравилось.

Что касается голландского шкафа семнадцатого века, инкрустированного красной черепахой, то Сергею пришлось его вернуть. При перевозке он благополучно развалился и перестал существовать.

Так никто и никогда не узнал, что драгоценный голландский шкаф семнадцатого века, из-за которого снова отдыхал Федя, был на самом деле творением безвестного питерского краснодеревщика конца девятнадцатого века. Гнилушка Глеб Мухтарович знал об этом, но тайну хранил свято и на факт окончательной гибели шкафа никак душевно не среагировал.

Великий диван

Сначала Андрею действительно везло.

Он возвращался на джипе из Нижнего, и кто-то словно шепнул ему пристать к этому селу. К тому же на дорогу быстро падала тьма, а ездить ночью он не любил, боялся света встречных фар; его поневоле тянуло в их сторону, в последний миг он отворачивал, вилял и, теряя дорогу, крепко ругался.

Он выбрал для ночлега приманчивый деревянный дом с рябиной и голубыми наличниками и не ошибся. Хозяин и хозяйка, похожие друг на друга как близнецы, приняли его с улыбкой, как будто рады были, что своим появлением он разбавил их однообразную межсезонную жизнь, когда работы на земле уже отошли, зима еще не ударила и кроме ящика с сериалами отдохнуть душевно не на чем.

Андрей выставил на стол сверкающую в электричестве бутылку, выпили, закусили и, под чай с хозяйской мятой, начали говорить. Про Москву, про политику, местную рыбалку и грибы, которых нынче было море. Он расслабился и, не стесняясь, рассказал, что ездил в Нижний за старинной мебелью, да так ничего стоящего не нашел. С этого момента, он прекрасно это помнил, и началось везение.

– А чего зря ездить-то, – вдруг сказал хозяин. – У меня в сарае лет десять старинный диван гниет. Все выбросить собираюсь, руки не доходят.

– Какой диван? – профессионально насторожился Андрей.

– А большой такой, с мордами на концах. То ли лев, то ли птица какая, в общем, зверь с золотой мордой. Хотели мы с тестем золото на тарелку соскоблить – не скоблится, сволочь, зря только морду бритвой порезали. Завтра покажу.

Ночевал Андрей на теплой веранде, в окна которой, словно предупреждая о неровностях жизни, стучали ветки деревьев. Упав на перину, он сквозь водочный туман представил себе сказочной красоты диван с золотыми львами и, улыбнувшись, провалился в сон.

Утром, еще до завтрака, хозяин повел его в сарай, деревянную развалюху, с трудом цепляющуюся за край замусоренного оврага, и открыл перекошенную дверь.

Зажег свет и поманил его в дальний угол.

И Андрей увидел такое, что разом превзошло его ночные фантазии.

Даже в изувеченном человеческим невежеством виде, отсыревший и разбухший от влаги диван являл собой чистой воды шедевр. У него была сломана задняя поперечина и облуплена фанеровка, у правого льва отсутствовали крылья, пружины матраса торчали, как ребра скелета – все равно диван был грандиозен.

Нет, это даже не диван, замирая сердцем, подумал Андрей, это черт знает что. Капитальное, двух с половиной метровое, архитектурное строение из красного дерева с высокой полумягкой спинкой, обрамленной с двух сторон колоннами, из которых выросли два золоченых крылатых льва.

Это лодка какая-то, ковчег, да это же целый дом – пришло ему в голову. Человек десять можно, пожалуй, разместить. Но дело, конечно, не в размере, а в том, что бывают гениальные стихи, а бывают гениальные произведения мебели. Вот одно из них, и нашел его я и, главное, где нашел, у кого!..

Хозяин, словно подслушав его эти самые мысли, вдруг очень просто сказал:

– Нравится – забирай.

Договорились на удивление быстро и задешево.

Слава богу, он был на джипе. В разобранном виде диван поместился полностью, частью внутри огромной машины, частью сверху, на багажнике.

Андрей жутко торопился, боялся, что странно похожие друг на друга супруги передумают.

Наскоро попрощавшись, вскочил в машину и рванул по утреннему туману на Москву.

Он отдал диван в работу лучшему своему реставратору. И заемаемый текучкой и судьбой других предметов, картин и фарфора на время о нем почти забыл.

Ровно через девять месяцев у него зазвонил телефон.

Мастер сообщил, что диван готов. Срок в девять месяцев слегка позабавил Андрея. Он и реставратор хохотнули по этому поводу и только.

И вот, вот он увидел предмет в конечном его блеске и понял, что в деревне под Нижним не ошибся. Доведенный до совершенства шедевр притягивал к себе глаза, и разглядывать его хотелось часами.

Но самое невероятное произошло тогда, когда он присел на край дивана. Плечи вдруг сами собой развернулись, грудь выкатилась вперед, глаза взглянули окрест с пристрастием и зорко. Он почувствовал себя монархом или, по крайней мере, особой царской крови. Мысль о высоком своем происхождении, которую он сокровенно лелеял с детства, не показалась ему сейчас такой уж невероятной. Именно тогда он решил, что никогда не расстанется с диваном.

На осеннем антикварном салоне, в котором галерея Андрея участвовала из года в год, он воздвиг диванное сооружение на самое видное место. И сам, поигрывая тростью с серебряным набалдашником, уселся на него с единственной целью: привлечь к своей галерее публику. И публика не заставила себя ждать.

К дивану, словно стая хищников, сбегались разнообразные любопытные, и мало кому из них хватило выдержки остаться на расстоянии. Хищники тянули к дивану руки. Стоило кому-нибудь к дивану прикоснуться, как у него тотчас открывался рот для единственного вопроса: сколько стоит? Покупатели, казалось, были готовы на все. Остальной салон и другие галереи были забыты. Ответы Андрея, что диван не продается, только разогревали аппетит толпы. Андрей ликовал, это был фантастический успех. Цены выкрикивались все более соблазнительные, ажиотаж раскручивался, как симфония к финалу, и Андрей, дабы разом ото всех отбиться, написал и выставил на спинке дивана табличку с убийственной, запретительной ценой – 200 тысяч долларов.

Диван за 200 тысяч? Это было слишком, за гранью принятых приличий. Тут и там раздались возмущенные голоса, нашествие понемногу растворилось, и пространство расчистилось. Остались лишь самые настойчивые, уповавшие на то, что Андрея удастся уговорить уступить диван за нормальную человеческую цену.

И тут он впервые почувствовал на себе чей-то взгляд.

Андрей обернулся.

Сзади, из-за высоких спин, не мигая, смотрели на него большие серые глаза.

Гладкой прической и трепетной шеей она была похожа на стремительную птицу. Тонкое лицо ее было абсолютно неподвижно, во взгляде же, привязанном к Андрею, читались одновременно покорность и мольба. «Печаль моя светла» – почему-то вдруг мелькнуло у него. В следующую секунду его окликнул очередной диванный воздыхатель, он отвлекся и занялся разговором.

Но ощущение взгляда в спину не проходило. Андрей снова обернулся.

Женщина-птица все так же стояла на прежнем месте и все так же покорно о чем-то умоляла его взглядом.

Андрей был человеком обаятельным и легким. Девушек любил широко, без предрассудков и ограничений и считал себя знатоком женских душ. То, что происходило сейчас, он понять не мог, но, на всякий случай, действуя в привычной для себя, интригующей манере общения, слегка улыбнулся даме.

Тут его снова кто-то отвлек; лысый толстяк в шейном платке сунул ему в руки какую-то картинку и, жарко дыша в лицо чесночной приправой, потребовал, чтобы Андрей непременно ее приобрел. Андрей отнекивался, сперва вяло, потом все более решительно, лысый настаивал, спор грозил вылиться в нервотрепку и скандал, когда Андрей снова обернулся.

Ее глаза теперь были совсем близко и казались огромными.

– Пожалуйста, – тихо, но очень внятно сказала она, – отдайте мне этот диван. Пожалуйста.

Спор разом оборвался. Лысый и Андрей смотрели на женщину-птицу с любопытством и непониманием. Андрей улыбнулся.

– С удовольствием, – сказал он. – Если вы дадите мне взамен двести тысяч долларов.

– Денег у меня нет, – сказала сероглазая женщина. – Но диван этот – мой.

– Интересно, – мягко сказал Андрей.

Он спрятался за этим, ничего не значащим словом, но глазом своим и чутьем сразу понял: предстоит ситуация неприятная.

Взмахом руки он пригласил даму в свой крохотный кабинет-выгородку, что был устроен в глубине стенда, за трехстворчатым французским книжным шкафом с бронзовой фигурой Наполеона на вершине.

Андрей успел заметить, как, проходя мимо дивана, она мимолетно коснулась льва и тотчас в радостном испуге отдернула руку.

Он предложил ей кресло, минеральной воды и конфеты в хрустальной вазочке. Сделав лишь несколько глотков воды, она достала из сумочки пачку «Вог» и вопросительно взглянула на него; Андрей, с трудом переносивший курящих и курение вообще, пододвинул к ней пепельницу.

– Слушаю вас, – с нетерпением сказал он.

– Меня зовут Нина, – сказала молодая женщина. – Я могу быть вашим помощником, вашим другом, наконец. Но прошу вас, верните мне диван.

Странно, подумал Андрей, на сумасшедшую вроде бы непохожа. Мошенница?

– Послушайте, – стараясь сохранять шутливый тон, сказал он. – Это все равно, что прийти в чужой дом и заполучить чужую вещь. Есть, конечно, таланты, которым такое удается. Вы из таких?

– Я прошу не чужое – свое.

– Почему вы решили, что этот предмет ваш?

– Диван принадлежал моему прапрадеду, обер-шталмейстеру Зимнего дворца Крахмалову Федору Глебычу. Он был жалован ему лично Александром Третьим.

– Крахмалов Федор Глебыч, – повторил Андрей. – Шталмейстер. Это который вроде как дирижер? Интересно.

Он снова спрятался за слова. Мошенница, решил он. Любопытно, куда пойдет дело.

– Четыре поколения моих предков, – продолжала женщина, – спасали диван от революционных дураков и безумных времен. Четыре поколения – начало вечности. Ни вы, ни я, никто не может противиться вечности.

Он взглянул на нее еще раз, и взгляд его, словно сам по себе, отвернул в сторону. Не похожа на мошенницу. Совсем другие глаза.

– Послушайте, – сказал он. – А почему, собственно, я должен вам верить?

– Я была зачата и рождена на этом диване, он стал моей колыбелью... Я знаю все его царапины, шрамы и трещины. Я прыгала на его пружинах, я училась ходить на этом диване. Ночами его золотые львы уносили меня в путешествия и открывали мне мир. Поэтому я звала его Кук, так называлась турфирма у Маршака... Можете мне не верить.

– Но, возможно, был еще один такой же диван? Может, не один, несколько!!

– Второго такого нет. Чертежи по приказу императора были сожжены. Крахмалов у меня единственный, сказал Александр, и диван у него должен быть в исключительном роде один.

– Откуда вы это знаете?

– Мама говорила.

Легко поднявшись, словно взлетев, женщина-птица поманила его за собой.

Они снова вышли в жужжащий зал салона, и Нина приблизилась к дивану. «Здравствуй, Кук», – сказала она. И присела на новенький, синий в полоску шелк сиденья и положила ладонь на золоченую львиную голову.

Вдруг, сдернув свою ладонь с головы льва, заменила ее ладонью Андрея. Андрей вздрогнул: золоченое дерево ожгло руку.

– Кук узнал меня! – торжествовала Нина. – Реставрация не отбила у него память! Вы убедились?

Андрей еще раз приложил к львиной макушке ладонь, но она осталась холодной. Чушь, мистика, морок, подумал он. Показалось.

– Можете не верить, – сказала Нина. – Это ничего не изменит.

– Простите, ничем не могу помочь, – сказал он. – Я приобрел эту вещь честно, и даже если вы...

– Я знаю, у кого вы ее приобрели. Выбор пал на вас, вы исправили ошибку, спасибо... Все худшее, слава богу, в прошлом, я прошу вас вернуть мне моего Кука. Справедливость может быть поправа, но она обязательно распрямится и отомстит.

Черт возьми, мрачней, соображал он, почему я, порядочный антиквар, черт-те где раскопавший приличный предмет, вложивший деньги и время в реставрацию, теперь, когда выяснилось, что вещь уникальна, должен незаслуженно страдать, подчиняясь ностальгическим заклинаниям этой странной, словно слетевшей с лесной ветки, женщины? Где была раньше эта птица, почему взмахнула крыльями именно сейчас? Почему сама не вынесла своего Кука из той черной дыры под Нижним? И почему я должен предмет возвращать? Только потому, что когда-то, гипотетически он принадлежал ее семье? Да мало ли что, когда и кому принадлежало? Людям ведь только кажется, что они владеют вещами. Люди лишь гостят у вещей; люди уходят, а вещи живут дальше, и у них гостят другие люди... Нет, не верну, какого дьявола я должен возвращать?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.